

Наружное наблюдение

Оллард Бибер

Оллард Бибер

Наружное наблюдение

«Автор»

2023

Бибер О.

Наружное наблюдение / О. Бибер — «Автор», 2023

Это четвертая книга из серии о частном сыщике Максе Вундерлихе. Успешный уже немолодой бизнесмен Лео Фишер просит сыщика последить за его новой четвертой супругой. Большая разница в возрасте, а также участившиеся исчезновения супруги по вечерам, не имеющие внятного объяснения, рождают в голове супруга массу подозрений, в том числе связанных с супружеской неверностью. На кону личное счастье немолодого супруга! Сыщик Макс Вундерлих берется за дело, которое не кажется ему сложным и которое он относит к разряду дел, связанных с так называемым "наружным наблюдением." Однако дело о наружном наблюдении выливается в запутанную историю, изобилующую многочисленными криминальными преступлениями...

© Бибер О., 2023

© Автор, 2023

Оллард Бибер

Наружное наблюдение

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Вход в лабиринт и выход из него иногда расположены совсем близко друг от друга. Но попав в лабиринт, выход из него можно найти, лишь пройдя через его запутанные повороты.

1

Сыщик Макс Вундерлих пересек автостраду, отделявшую пляж от остального города с его множеством отелей, кафе и ресторанов, сбросил с босых ног сандалеты без задников и, наклонившись, ловко подхватил их левой рукой. Правой рукой он нажал фиксатор в подвижной ручке чемодана на колесиках и загнал ручку вниз до упора. Подхватив чемодан за другую ручку, ступил босыми ногами на песок и слегка поморщился. Песок уже прилично раскалился и остро обжег босые ступни. Немного потоптавшись, Макс подождал, пока ступни привыкнут, и двинулся к морю. Он нашел место, где песок был влажным, поставил чемодан так, чтобы на него можно было сесть, и, приставив руку ко лбу из-за слепящего солнца, долго смотрел вдаль на бесконечную слегка колеблющуюся водную равнину. При этом зрачки его глаз были неподвижны, а линия взгляда медленно вращалась вместе с загорелой шеей, иногда замирая в привлекательных местах, чтобы через секунды снова продолжить сканирование горизонта. Таким образом Макс долго сравнивал открывающиеся перед ним картины с сохранившимися в памяти пейзажами швейцарских Альп, где прошли его детство и юность. В конце концов он пришел к выводу, что эти природные объекты несравнимы. Оба – морской и горный – прекрасны по-своему. Вообще говоря, такими сравнениями Макс занимался каждый день своего десятидневного отпуска. Сегодня был последний день. Через несколько часов он должен быть в аэропорту Жироны, откуда полетит во Франкфурт на Майне, давно ставший его второй родиной. До Жироны еще надо добраться на местном поезде с живописно размалеванными вагонами, поэтому времени искупаться напоследок у него уже не было. Он встал с чемодана, закатал брюки и вошел в воду. Она была теплой и приятно ласкала икры ног при каждой высокой волне. Прощай, Испания. Стало немного грустно, но это быстро прошло. Он вспомнил о своей работе, о преступниках, "благодаря" которым он эту работу имеет, представил свой офис на Шиллерштрассе с диванчиком, на котором иногда с чашкой кофе в руке сидит его помощница Мартина Хайзе, и улыбнулся. Все проходит – прошел и этот отпуск, который он наконец-то смог себе позволить.

Когда самолет набрал высоту и можно было расстегнуть ремень безопасности, мысли Макса снова завертелись вокруг прошедшего отпуска. Все было прекрасно, включая... В этом месте мысль споткнулась, потому что Макс еще не решил, действительно ли прекрасным был этот курортный роман...

Они познакомились на общем завтраке в ресторане отеля. Он посоветовал ей попробовать мидии, потому что слышал об их необычайной полезности. Так ли это на самом деле, он не знал. Она с опаской посмотрела на черные раковины, внутри которых эти мидии скрывались, но все же рискнула. Чтобы она чувствовала себя увереннее, Макс тоже взял себе мидии. Потом они за столом со смехом подковыривали ножом не раскрывшиеся раковины и поедали содержимое неопределенной консистенции.

Они решили вместе пойти на пляж. Куда, собственно, еще податься под палящим солнцем? Ничего другого они не придумали. Ее звали Бригитта, и она тоже жила во Франкфурте. Ее отпуск заканчивался уже через три дня, а его только начался. Он пожалел, что только сейчас ее встретил, и сказал ей об этом. Она стандартно улыбнулась. Вечером после ужина в отеле они сидели в кафе в центре города и ели мороженое, пили вино и кофе. Он проводил ее до двери номера, а на следующий вечер уже вошел в эту дверь. Ему нужно было торопиться, ведь ее отпуск заканчивался. Он рассказал ей, что занимается частным сыском. Она нашла это необычайно интересным и с радостью взяла его визитку. О своей же деятельности она не сказала ничего, лишь произвела неопределенные движения руками. Он не стал любопытствовать, так как не думал ни о чем серьезном. Он не спросил, замужем ли она, и она никак не высказалась по этому поводу. Она была просто симпатичной брюнеткой, а он молодым здоровым мужчиной.

Потом он захотел проводить ее в аэропорт, но она отказалась.

Сейчас Макс размышлял об этом скоротечном романе. Он был не из тех, кто бросается "за первой подвернувшейся юбкой" (представительницы прекрасного пола давно ходят в брюках, а юбка – явление достаточно редкое; но говорить "за первыми подвернувшимися брюками" еще не стали и, вероятно, никогда не станут, поэтому пусть пока остается по-старому). Он не мог похвастаться обилием любовных романов, завязанных им за время сыскной деятельности. Вот раньше, когда Макс был студентом экономического факультета, или сразу после этого, когда работал в разных фирмах, он охотно волочился за студентками и молоденькими сотрудницами, не пропускал вечеринок с участием девушек, с которыми иногда вступал в близкие отношения. После того как он сделался частным детективом, все такое отошло на второй план. Помощница Мартина Хайзе появилась на его горизонте как посланница из прошлой легкой жизни. Когда-то они работали в фирме господина Мюллера и даже были любовниками. Потом отношения расстроились, увлеченность прошла, и Мартина вновь вошла в его жизнь совершенно случайно. Их отношения были сугубо деловыми, а всякие попытки как-то оживить прежние отношения обоюдно пресекались на корню. Мартина писала детективные романы и помогала ему в некоторых расследованиях. Между ними установились гармоничные и практичные отношения, из которых каждый извлекал свою пользу. Правда, иногда Мартина, наблюдая за его расследовательскими муками, говорила, что ему пора жениться, что он скоро схлопочет что-нибудь желудочное из-за вечной сухомятки и кофе вприкуску с сигаретой. Макс соглашался, но почему-то ни разу не спросил ее, почему она сама не выходит замуж.

И вот появилась эта Бригитта. Было это серьезно? Пожалуй, нет. Неожиданно? Пожалуй, да. Номер своего телефона она все же записала на подсунутой им салфетке. Ну и что? Обычный обмен координатами на всякий случай – ведь они все же переспали, и оба остались довольны. Интересно, что бы сказала Мартина, расскажи он ей об этой Бригитте? Он еще не решил для себя, стоит ли это делать. Она, пожалуй, посмеется и скажет что-нибудь типа: "Ну вот, Максик, вместо того чтобы жениться, ты ударился в блуд". Да, именно так она и скажет. Наверное, не надо ей об этом рассказывать. Макс представил Бригитту и подумал, что она, наверняка, уже даже не вспоминает о нем. Она привлекательна, имеет красивую фигуру с крепкими стройными ногами. Вероятно, у нее хватает поклонников более высокого ранга, чем частный сыщик. Да, безусловно. Надо просто постараться забыть об этом, как это, определенно, уже сделала она. Нет, этот роман нельзя включать в список прекрасных воспоминаний о прошедшем отпуске. Скорее, наоборот. Напрасно он не удержался и пошел на поводу взыгравшей плоти, поддавшейся курортным обстоятельствам и отключившей мозг от привычной мыслительной деятельности. Никакой дедукции – сплошная похоть. Макс закрыл глаза и задремал. Проснулся только тогда, когда самолет, слегка подпрыгивая, побежал по бетонке. Вот и Франкфурт.

Было только четыре часа пополудни. Во Франкфурте тоже было жарко. Он взял такси и поехал в офис на Шиллерштрассе.

В то время, когда сыщик Вундерлих, сидя с закрытыми глазами в кресле самолета, еще продолжал анализировать прошедший отпуск, его нештатная помощница Мартина Хайзе сидела за своим рабочим столом в редакции журнала, где работала уже долгое время. В этот час она не была занята своими обычными делами, состоявшими либо в выполнении очередного задания главного редактора, либо в писании украдкой детективного романа. Мартина не делала ничего. Она подперла рукой подбородок и размышляла над новостью, которой с самого утра огорошил ее главный шеф (неглавным шефом она называла бывшего любовника сыщика Макса Вундерлиха, с которым сотрудничала неформально). Главный шеф, он же главный редактор журнала, два часа назад предложил ей руку и сердце. Нельзя сказать, что этот шаг редактора произвел эффект разорвавшейся бомбы. Он давно симпатизировал Мартине и прозрачно намекал на это. Тем не менее предложение явилось неожиданностью, и сейчас Мартина пыталась понять, насколько оно для нее важно и как принятие предложения может изменить ее жизнь. Она уже давно не имела никаких любовных обязательств перед неглавным шефом, и с этой точки зрения предложение главного шефа не вело к конфликту интересов. Напротив, Макс постоянно твердил Мартине, что ей пора замуж. Но сможет ли она после замужества участвовать в его расследованиях? Как посмотрит на это главный редактор в роли мужа? Ответа не было. Затекшая рука освободилась из-под подбородка, но он сейчас же был подхвачен другой. Трудное решение не давалось. Большой любви к главному редактору она не питала, но человек он был надежный, а замуж, действительно, уже было пора. Она не принадлежала к тем женщинам, которые ради карьеры готовы угробить личную жизнь. Да и какая карьера? Великой писательницей она уже не станет, а что-нибудь напишет и при муже. Пожалуй, надо сказать "да" главному редактору. А что скажет Макс? Как он будет без нее? Она была твердо уверена, что сыщик без нее пропадет. Любви между ними не было, но ведь без нее у него может появиться другая, которая, наверняка, помешает его развитию как успешного сыщика. Она не представляла свою жизнь без участия в его расследованиях. Мартина сложила руки на столе и положила на них голову, закрыла глаза. Сегодня Макс вернется из отпуска. Они не виделись целых десять дней. Она, конечно, поспешит на встречу с ним. Нового дела пока нет. Но разве это единственное, что они могли бы обсудить? Вот хотя бы ее очередной роман... Он любит их читать. Он, конечно, пытается делать критические замечания, но это мелочь по сравнению с тем, что он вообще их читает. Тем более, что его замечания почти не учитываются ею. Он, конечно, прилично загорел и теперь, наверное, похож на испанца. Да, при его густой шевелюре и свежем появившемся загаре его вполне можно будет принять за испанца. Хотя глаза... Они у него серые, а у испанцев чаще карие. Но все равно... испанцы тоже бывают разные. Да и какая разница? Она просто соскучилась.

У него, безусловно, будет радостное настроение интересно отдохнувшего человека, а она вдруг возьми и срази его новостью о предстоящем замужестве... Нет, только не сегодня. Надо сказать редактору, что она должна подумать. Нет, не отказать совсем – не надо даже, чтобы он так мог подумать... Ведь она имеет право обдумать его предложение. Это даже так положено. А то подумает, что она только и ждет, пока он позовет ее замуж. Женщина имеет право полагаться, мужчины такое даже любят... Макс должен узнать об этом позже. Не сегодня и даже не через неделю. Он должен вернуться к своей обычной жизни. Пусть бы и новое дело появилось. Тогда ее новость не будет столь разящей на фоне новых забот. А если появится новое дело? Тогда она должна будет помогать. Просто замкнутый круг...

Поток ее сознания еще долго бы терзал душу, если бы не был прерван внезапным появлением главного редактора. Тот бесшумно подошел к столу и некоторое время молча смотрел на Мартину, боясь нарушить – так ему показалось – ее сон. Наконец, он легонько покашлял, и Мартина резко подняла голову. Краска залила лицо, и она быстро проговорила:

– Извините, господин редактор. Я не сплю.

Главный редактор почти извиняющимся голосом сказал:

– Я даже и не думал ничего такого, Мартина. Может быть, вы больны?

– Все в порядке, господин редактор. Просто устала от всяких дум.

Не представляя, какие думы одолевают сотрудницу, главный редактор так же бесшумно удалился, посчитав, что будет верхом неприличия отчитывать возможную будущую супругу в день, когда он только сделал ей предложение.

3

В свои пятьдесят восемь Лео Фишер достиг предела, к которому стремился с самых юных лет. Нельзя сказать, что этот предел Лео назначил себе исключительно самостоятельно. Перед глазами всегда был пример отца, который (по его рассказам) с детства хотел иметь фирму по производству мясопродуктов и постепенно этого добился. Отец был сначала учеником у деревенского забойщика свиней, где скрупулезно постигал разделку свиных туш, потом поступил на работу в мясную лавку, где торговал уже не только свиным мясом, но и мясом другого домашнего скота. Когда хозяин мясной лавки умер, экономный отец смог договориться с его родственниками и выкупил лавку, став таким образом хозяином. Торговля росла, но Фишер старший не находил удовлетворения в простой торговле мясом. Ведь здесь почти нет творческого начала, а ему хотелось из этого мяса делать оригинальные продукты. Он выкупил у коммуны, в которой жил, небольшое заброшенное здание, где и основал производственную фирму "Фишер – Мясопродукты". Фишер старший мечтал, что его дело подхватит сын Лео, но последний с детства возненавидел всю эту околосвиночную возню, терпеть не мог этот запах в цехах отцовской фабрики и поклялся, что ноги его там не будет. Мясо он предпочитал только в готовом виде и с удовольствием поедая свиную рульку, приготовленную матерью. От отца Лео Фишер перенял лишь жизненный принцип – от простого к сложному. И совсем не важно, будет ли это колбаса, сделанная, например, из тушки кролика, или какой-то иной продукт, сделанный из сырья совсем другой природы. Вторым принципом, взятым от Фишера старшего, стало стремление быть самостоятельным и независимым, а это – считал он – возможно только, если ты имеешь собственную фирму. В школе он учился неплохо, с математикой дружил, в частности, с ее разделом под названием геометрия. Углы, линии, отрезки – думал он часто – определяют формы, например, вот этого здания. Когда возле крохотного городка, где жил Лео, строили какое-то производственное здание, он часами торчал там и наблюдал, как механизмы и руки человека создают новую форму, у которой есть углы, линии и размеры. Чистая геометрия – думал Лео.

Он поступил в технический университет и стал строителем. И сразу же начал осуществлять свою юношескую мечту – создание собственной строительной фирмы. И вот сегодня она у него была. К слову сказать, одна из лучших во Франкфурте. Производственные обороты достигли внушительных размеров, и Лео просто купался в деньгах. Фирма обросла солидным штатом сотрудников и строительных рабочих. Лео выигрывал многочисленные подряды на проведение строительных работ. Название фирмы "Строительная компания Лео Фишер" мелькало в каждой рекламе, размещенной в представительных газетах.

Не везло Лео только в одном. У него не складывалась семья, не было детей. Многие его университетские приятели имели уже даже внуков. О таком Лео давно не мечтал. Пределом его семейных мечтаний стало простое желание занять нормальную жену. Надо сказать, что у него уже были жены; даже целых три. Все эти жены давно исчезли из его жизни – он уже не мог даже восстановить в памяти их имена в хронологическом порядке.

Лео сидел в своем кабинете в центральном офисе фирмы и анализировал прошлый семейный опыт. Он искал то общее во всех его прежних браках, что могло послужить причиной развода. После долгих раздумий он остановился на двух: все его прежние жены необычайно любили деньги и были очень молодыми по сравнению с ним. Денег-то у него хватало, но – тут он должен был признаться самому себе – Лео был скуповат. Он не считал, что деньги, заработанные скрупулезным трудом и рациональным расчетом, можно бездумно развозить по курор-

там или оставлять в бутиках, владельцы которых ни черта не делают, а за каждую рюшку гребут "швайнегельд."¹⁾ При рассмотрении второй причины, связанной с молодостью бывших жен, Лео пришел к выводу, что она определяла первую: именно молодость рождала их неумную страсть тратить деньги. Он допускал, что деньги обожают все женщины, но зрелая немецкая жена никогда не позволит пускать по ветру заработанные тяжким трудом сбережения мужа. Получалось, что надо искать зрелую практичную жену, но он так любил молоденьких, их гладкую кожу, их формы, которые еще имели форму, что никак не мог отказаться от молодости в пользу зрелости. Вот и четыре месяца назад он совершил прежнюю ошибку. Он женился в четвертый раз, и его новой избраннице было двадцать пять. Пока он еще не понимал, насколько расточительна новая жена. Он, вообще говоря, и плохо представлял ее прошлую жизнь (хотя какой там жизненный опыт всего-то за двадцать пять лет; при этом он слышал от знакомых, что многие нынешние дамочки и в этом возрасте еще как опытные). Он просто без памяти влюбился. С Моникой у него возникла новая для него семейная проблема. Он целыми днями работал, а когда возвращался домой, то частенько Моника не встречала его у порога с заготовленным поцелуем, а приходила поздно вечером, причем неохотно отвечала на его расспросы, ссылаясь на встречу со старой подругой или еще на что-нибудь маловразумительное. Он смотрел в ее глаза, пытаясь найти там объяснение, но чаще наталкивался на пустоту и глубоко спрятанную тревогу. Постепенно в сердце Лео Фишера поселилось сомнение. Четвертая жена – и снова что-то не так. Он стал подумывать, не завела ли она себе любовника. Себя он находил еще вполне бодрым и сексуально активным, но в то же время понимал, что двадцать пять и пятьдесят восемь в биологическом смысле достаточно различающиеся величины. Но он не хотел ее ни с кем делить, а других причин расстаться пока не было. Когда она была дома, вела себя как вполне приличная жена. Она еще не заводила разговоры о поездке на Канары и не просила свозить ее в новый открывшийся бутик на Кайзерштрассе. Автомобиль он ей предоставил, денег на мелкие расходы давал достаточно. В постели она была очень ласкова. Но обнимая ее, он все чаще представлял, как это делает какой-нибудь двадцатипятилетний молодчик и как его Моника стонет в его объятиях. В такие минуты он даже выскакивал из постели и бежал в холл их хорошего дома, где долго и нервно курил, потом как побитый щенок возвращался в постель и уже до утра не мог ее больше любить. Она же безмятежно спала, не замечая, как тяжело вздыхает и шумно ворочается ее немолодой супруг. Утром Лео вставал с мешками под глазами и хмурым тупым взглядом. Чтобы как-то вернуться к действительности, шел в кухню и заваривал крепкий кофе. Он медленно пил его здесь же и думал, думал...

Нет, так больше нельзя. С этим надо разобраться. Он не сможет так жить дальше. Отсутствие информации хуже даже наличия негативной. Лео схватил со стола последний номер "Франкфуртер альгемайне". Он лихорадочно просматривал последние страницы газеты, где обычно размещались разные объявления частных лиц, фирм и фирмочек. Вот, кажется, то, что надо. Он прочел вслух: "Макс Вундерлих. Частное сыскное агентство". "Недурно, недурно", – пробормотал он. – "И фамилия сыщика вполне замечательная"²⁾, – добавил Лео и взялся за телефонную трубку.

4

На следующий день после возвращения из Испании Макс с чашкой кофе в руке сидел в офисе на Шиллерштрассе и наслаждался "ничегонеделанием". Перед глазами все еще стояло Средиземное море, плещущееся возле его ног и меняющее цвет в зависимости от погоды. Всякое изменение цвета неба сразу же меняло цвет воды. Это выглядело как некий симбиоз неба и моря, и не было силы, которая могла бы его разрушить. Потом он вспомнил Бригитту: она лежала на животе на полотенце, повернув голову набок и вытянув руки вдоль тела. Ее попа в ярких трусиках красиво возвышалась над остальным телом и выгодно отличалась от других поп, густо расположенных на горячем песке. Однако он тут же вспомнил о своих размышлениях по поводу случившегося любовного приключения, которые пришли в голову в

самолете, и прогнал видение. Оно ушло не сразу, но уже скоро мысли завертелись вокруг текущих дел, к которым – хочешь, не хочешь – придется возвращаться. Он включил компьютер и немного пощелкал мышкой, восстанавливая в собственной памяти самое важное из того, что было сохранено в памяти компьютера в последние дни перед отпуском. Он еще не звонил Мартине и решил, что не будет этого делать сегодня: хотелось побыть одному. Он почти был уверен, что помощница все равно сделает это сама, и был к этому, в принципе, готов.

Неожиданно зазвонил телефон, и Макс, решив, что вот она – материализация его недавних мыслей, игриво сказал в трубку:

– Хай, моя писательница. Торопишься поздравить меня с возвращением?

Кто-то засопел на другом конце линии, потом сказал:

– Простите, я связался с сыскным агентством? – мужской голос звучал растерянно и разочарованно. До Макса, наконец, дошло, что сегодня нормальный рабочий день, когда могут позвонить нормальные клиенты. Он спохватился и быстро сказал:

– Совершенно верно, уважаемый. Макс Вундерлих слушает.

Голос говорящего стал увереннее:

– Так я говорю с самим шефом?

– Безусловно, господин... – Макс замялся, голос же собеседника обрел еще больше уверенности.

– Меня зовут Лео Фишер, я владелец строительной компании.

Макс попробовал пошутить:

– Очень приятно, господин Фишер, но мы не заказывали никаких строительных работ.

Голос стал менее начальственным и даже вкрадчивым:

– О нет, господин Вундерлих, речь идет совсем не об этом. Чисто приватный вопрос, касающийся непосредственно ваших профессиональных возможностей.

Макс окончательно пришел в себя и подумал, что здесь пахнет вполне реальным новым клиентом. Что ж, это совсем неплохо. Надо зарабатывать деньги, ведь он здорово поиздержался в отпуске. Он сконцентрировался и сказал:

– Слушаю вас внимательно, господин Фишер. Мы занимаемся разными делами. Кого-нибудь убили?

– Совсем нет, господин Вундерлих. Дело более простое.

– Хотя бы намекните, господин Фишер.

На том конце линии послышались вздохи, словно пикантность дела не позволяла выразить суть обычными человеческими словами. Наконец, Фишер выдавил в трубку:

– Я хотел бы обсудить это наедине, так сказать конфиденциально.

– Нет проблем, господин Фишер. Приезжайте прямо сюда. Все мои клиенты встречаются со мной в моем офисе.

– Там могут быть ваши сотрудники. Вы можете сделать так, чтобы меня никто не видел? Понимаете, господин Вундерлих, я достаточно крупный предприниматель, владелец известной фирмы. Меня многие знают. Пойдут слухи, всякие разговоры с нежелательными версиями, что может навредить моей репутации.

– И с этим нет проблем, господин Фишер. Я как раз сегодня в офисе впервые после отпуска, а все мои сотрудники еще отдыхают. Вы как меня отыскали? В каком-нибудь объявлении?

– Ну да, во "Франкфуртер альгемайне".

– Тогда, надеюсь, там есть и адрес моего агентства.

– Есть господин, Вундерлих. Насколько я понимаю, это недалеко от Берзенплатц.

– Совершенно верно. Когда вы будете?

Трубка замолчала на секунды. Видимо, господин Фишер обдумывал, когда он сможет из непрерывно текущего процесса зарабатывания денег вырвать кусочек времени для решения втростепенных вопросов. Он сказал:

– Я смогу быть у вас через два часа. Вас это устроит, господин Вундерлих?

– Вполне, господин Фишер. Кнопка моего звонка отличается от остальных: она имеет красивое бронзовое обрамление. Это я для того, чтобы вам было легче ее быстро отыскать.

Макс положил трубку и немного подумал над тем, к чему он вспомнил о кнопке звонка. Хотел ли он этим подчеркнуть весомость своего агентства? Пожалуй, нет. А что тогда? Мозг не ответил. Он отбросил это размышление за ненужностью, решив, что оно пришло из подсознания автоматически и бесконтрольно. Быстро заходил по комнате, наводя мелкий поря- док. Распахнул окно и выпустил табачный дым на шумящую Шиллерштрассе. Снова зазвонил телефон. "Видимо, владелец строительной фирмы пожелал что-то уточнить", – подумал Макс, но из трубки донеслось радостное:

– Хай, Максик, ты как? Все еще мысленно в отпуске?

– Почти, Мартина. Правда, скоро здесь появится новый клиент. У меня только что состо- ялся с ним телефонный разговор.

– Тогда я лечу к тебе. У меня как раз есть время.

– Не получится, Мартина. Он просил о конфиденциальности, а у нас, как тебе известно, офис всего из одной комнаты. Не могу же я тебя прятать за ширмой, где мы готовим кофе.

Мартина замолчала, а Макс представил, как она надула губы. Пока она еще никак не возразила, поспешил ее успокоить:

– Не обижайся, моя писательница. Ты же помнишь, что желание клиента для нас закон. Как только мы с ним обсудим его вопрос, я сразу наберу тебя. Обещаю.

– И ты совсем не представляешь, о чем пойдет речь?

– Честно говоря, нет. Могу лишь сказать, что клиент вполне состоятельный. Он владелец крупной строительной компании. Его зовут Лео Фишер. Если тебе нечего делать, можешь пока навести первые справки.

Мартина на другом конце линии растерянно пожала плечами, сказала "Угу" и положила трубку. Макс вернулся к наведению порядка, одновременно пытаясь представить, по какому вопросу едет к нему Лео Фишер. Если клиент настойчиво просил о конфиденциальности, то вряд ли дело касается каких-то финансовых или производственных проблем его фирмы. Для этого существует масса адвокатов с юридическим образованием, съевших зубы на делах подобного рода. Значит, что-то сугубо личное? Или что-то, связанное с его родственниками? А может быть, шантаж? Также вполне допустимый вариант для клиентов такого рода. А если это..? Он не успел придумать еще некий вариант, который мог бы быть причиной того, что крупный предприниматель среди бела дня направляется к частному сыщику, о существова- нии которого совсем недавно узнал из газетного объявления: кто-то уже настойчиво давил на кнопку его звонка. И это мог быть только господин Фишер.

Когда клиент, сопровождаемый Максом, миновал темный вестибюль и был, наконец, не без помощи сыщика направлен в дверной проем комнаты, он зажмурился от яркого света. Все- таки офис, несмотря на многие недостатки, был большой и светлой комнатой. Клиент открыл глаза, рассмотрел Макса и, протянув руку, пробасил:

– Лео Фишер. А вы, стало быть, Макс Вундерлих?

Макс некоторое время рассматривал клиента: большие залысины на лбу, нос короткий, широкий, кожа на лице еще достаточно упругая, подбородок квадратный. Одним словом, еще свежее лицо. А почему темные круги под глазами? Пожалуй, от переживаний последнего вре- мени. Конечно, его вопрос сугубо личный. Душевный, можно сказать, вопрос. Сыщик пожал плотную и горячую ладонь Лео Фишера и отметил, что ладонь абсолютно сухая, без малейшего присутствия пота, что он находил признаком уверенности и силы. Ответил:

– Да, господин Фишер. Меня зовут Макс Вундерлих. Я, так сказать, шеф этого агентства. Размах у нас, конечно, не тот, что у вас, но кое-что мы умеем. Вашу просьбу о конфиденциальности я помню. Мы здесь одни.

Лео Фишер обвел комнату глазами. Было непонятно, оценивает ли он скудость обстановки или просто ищет место, куда можно сесть. Макс заторопился:

– Прошу вас, господин Фишер, вот на этот диванчик. Вам здесь будет удобно.

Лео Фишер расстегнул серый пиджак, ослабил галстук и аккуратно опустился на диван, удерживая тело до самого момента касания ягодицами поверхности дивана из искусственной кожи. Макс подумал, что он еще ничего, этот Лео Фишер. Пожалуй, регулярно посещает фитнес-центр. Сколько же ему лет? Макс поставил пепельницу на приставной столик:

– Вы курите, господин Фишер?

– О да. Иногда даже много. Особенно, если разнервничаюсь.

– Я тоже. Так что закуривайте. Этой комнате не привыкать. Здесь уже побывала уйма курильщиков.

Макс подвинул к столику свой стул, прикурил сигарету и, выпустив первое облачко дыма, сказал:

– Слушаю вас, господин Фишер.

Лео Фишер в свою очередь и на свой манер выпустил изо рта табачный дым, тяжело вздохнул и, взглянув на Макса широко раскрытыми серыми глазами, спросил:

– Вы женаты, господин Вундерлих?

Вопрос показался Максиму неожиданным. Ведь он касался обстоятельств его личной жизни, а закон жанра предполагал обсуждение проблем клиента. Одновременно он подумал, что проблема клиента, пожалуй, сугубо личная, и даже состроил в голове предположение, о чем пойдет речь. Макс ответил:

– Нет, господин Фишер, но иногда задумываюсь над этим вопросом. Даже некоторые из моих сотрудников советуют мне обзавестись семьей. Ведь мне уже скоро сорок.

Лео Фишер снисходительно улыбнулся:

– Подумаешь, сорок. Вот мне уже пятьдесят восемь.

Он сделал паузу, видимо, ожидая прочесть удивление на лице Макса. Но поскольку такое не возникло на загорелом лице сыщика, продолжил:

– Да, да, господин Вундерлих, пятьдесят восемь. А как показалось вам?

Макс удивился женской жеманности клиента и отнес ярко выраженное желание казаться моложе на счет негативного опыта в обращении с представительницами прекрасного пола. Он решил немного подыграть клиенту:

– Я бы дал вам лет пятьдесят пять.

Даже такая малость польстила Лео Фишеру:

– Благодарю вас, господин Вундерлих, но я уже женат и, представьте, в четвертый раз.

На этот раз удивление на лице сыщика было более заметным, а его первоначальное предположение о причине прибытия Лео Фишера усилилось. Макс решил не вдаваться в подробности семейного опыта клиента в течение его долгой жизни, а просто спросил:

– Давно вы женаты?

– Уже четыре месяца.

– Я понял, господин Фишер. Рассказывайте, что у вас произошло в вашем четвертом браке. Думаю, ваша избранница раза в два моложе вас.

– Ей двадцать пять, – сказал клиент и скромно опустил глаза. Потом, снова вздохнув, продолжил:

– Что уж тут скрывать, господин Вундерлих. Я влюбился как мальчишка. Она красивая брюнетка с крепким телом и стройными ногами, чуть выше среднего роста.

Лео Фишер замолчал, обдумывая следующие слова, а Макс почему-то вспомнил, что Бригитта тоже брюнетка. Вот к чему лезет в голову всякая ерунда? Мало что ли брюнеток на белом свете? Особенно крашенных. Никак не хочет уходить из его жизни эта Бригитта. Тем не менее он одобрительно посмотрел на клиента, и Лео Фишер решил говорить дальше:

– Да, она прекрасна. С моей последней женой я расстался лет пять назад, и появление Моники на моем горизонте явилось приятным подарком жизни, особенно если учесть мой возраст.

– Почему же, господин Фишер? Вы состоятельный человек, а современные женщины с удовольствием вверяют свои жизни пожилым господам с тугим кошельком. Остальные радости семейной жизни интересуют их во вторую очередь. Часто они находят способы компенсировать недостаток этих радостей в других местах. В вашем случае речь идет о чем-то ином?

Лео Фишер как-то загрустил от того, что сыщик уже почти понял его проблему. Но он решил еще побороться, представить его случай не просто банальным подозрением в супружеской неверности, а чем-то другим. Правда, не знал, чем. Он, наконец, подобрал правильные слова и продолжил неуверенным голосом:

– В постели у нас все в порядке. Уж я-то понимаю в этом толк, господин Вундерлих. Но в последнее время Моника стала часто пропадать где-то по вечерам. Ее объяснения, мягко говоря, оставляют желать лучшего. По натуре я ревнив, и в моей душе поселилось подозрение. Я не нахожу себе места. Это выше моих сил.

Макс отметил про себя, что задание клиента еще не сформулировано явным образом, но уже было понятно, в чем будет его суть. Он взял инициативу в свои руки:

– Где вы познакомились с фрау Фишер? Ведь она сейчас носит вашу фамилию?

– Да, мою. Мы познакомились в ресторане, в котором я часто ужинаю.

– Она была там одна?

– Да, одна. Я сам подошел к ней и пригласил на танец.

– Что она рассказывала вам о своей прошлой жизни? Есть ли у нее профессия? Была ли она замужем?

– Замужем она не была. Основательно нигде не училась, работала в сфере обслуживания.

– Это где?

– Не знаю, господин Вундерлих. Я подробностями не интересовался.

– Есть ли у нее родители, поддерживает ли она с ними связь?

– Отца она не знает, а мать навещает редко. У них какие-то разногласия.

– Мать живет одна или с женщиной?

– Это так важно в моем случае?

– В таких делах важно все, господин Фишер.

Клиент послушно кивнул.

– У матери кто-то есть, но я не вдавался в эти детали, господин Вундерлих. Я просто не думал об этом. Меня интересовала только Моника. А какой прошлый опыт может быть у двадцатипятилетней женщины? Для меня это уже не важно. Я не женился по расчету или по каким-то другим меркантильным соображениям. У меня все есть, нет только женщины, ради которой я бы торопился домой по вечерам. И повторю, все было не так плохо. Но этот ее растерянный взгляд в последнее время, невнятные бормотания... Я должен понять, что с ней происходит.

Макс решил, что настало время точно сформулировать задачу:

– Насколько я понимаю, господин Фишер, задача, которую вы хотите передо мной поставить, достаточно проста – попытаться выяснить, какие связи есть у вашей супруги помимо супружеских отношений с вами. Другими словами, последить за вашей супругой.

– Лео Фишер зарделся:

– Ну да, что-то в этом роде. Я хорошо заплачу.

– В нашем агентстве существуют стандартные тарифы на услуги такого характера. Это называется наружным наблюдением, и мне уже доводилось этим заниматься. Работа не очень приятная, но желание клиента для нас закон, а клиентами мы дорожим.

Лео Фишер, довольный, что сыщик быстро понял его проблему, расслабился и позволил себе кисло улыбнуться. Сделал затяжку, выпустил дым и сказал:

– Замечательно, господин Вундерлих, что мы поняли друг друга. Тогда непосредственно к делу. Что требуется от меня?

– Ваша визитка, девичья фамилия вашей супруги, ее фотография, номер машины, на которой она ездит, и, конечно, ваш адрес. Я же должен знать место, с которого должен ее вести.

– Что значит "вести", господин Вундерлих?

– Другими словами, сопровождать или, попросту говоря, следить за нею. Иначе это, к сожалению, не назовешь, господин Фишер.

Владелец строительной компании, наконец, сообразил, что так мудрено сыщик описал обычную слежку, и начал доставать из борсетки все, что потребовал Макс. Пока на приставной столик опускались нужные разноформатные бумажки, Макс брал их, внимательно просматривал и снова клал на столик. Когда борсетка снова закрылась на замок-молнию, Макс спросил:

– Господин Фишер, а где же фото вашей супруги?

Клиент крикнул, словно досадуя на забывчивость, и полез во внутренний карман пиджака, откуда с величайшей осторожностью извлек цветную фотографию:

– Вот она Моника, господин Вундерлих. Моя красавица.

Макс некоторое время рассматривал фото, затем сказал:

– Правда, красивая брюнетка. Крашенная?

– Что вы, натуральная.

Макс, не зная, зачем, решил немного прихвастнуть своими любовными достижениями:

– Я только что из отпуска, господин Фишер, и там тоже закрутил роман с одной брюнеткой.

– Надеюсь, это была не моя Моника, господин Вундерлих? – шутливо спросил клиент.

– Безусловно нет, но тоже очень красивая. У вашей глаза серые, а у моей карие. И лицо у вашей, пожалуй, более круглое.

Потом Макс рассмеялся и сказал:

– Извините, господин Фишер, просто к слову пришлось. Никак не выходит из головы моя брюнетка, а воспоминание о нашем романе еще так свежо.

– Понимаю, господин Вундерлих, – сказал клиент с выражением полной мужской солидарности на лице.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание, которое первым нарушил сыщик:

– Как я понимаю, господин Фишер, время не терпит, и вы хотели бы, чтобы наше агентство взялось за дело немедленно. Мы могли бы начать уже завтра.

– Это было бы замечательно! – не скрывая радости, воскликнул клиент и заерзал на диванчике.

Макс сказал:

– Господин Фишер, расскажите немного о распорядке дня вашей супруги. Есть ли места в городе, которые она предпочитает другим?

Лицо клиента из радостного сделалось кислым:

– Ах, господин Вундерлих, мы еще так мало состоим в браке, а я так много работаю, что мои сведения вряд ли могут претендовать на некую полноту. Правда, пару раз по случаю, когда я имел часок-другой свободного времени, мы выезжали из дома вместе. Это бывало часов в десять утра. Она довозила меня до центра города, откуда я шел в свой офис. Она же оставалась в центре, ходила по магазинам, заходила в кафе, иногда просто гуляла. К обеду она обычно возвращалась домой и оставалась там до моего возвращения.

– Откуда вы знаете, что к обеду она уже была дома?

– Ну как же, господин Вундерлих? Я звонил ей в течение дня и слышал в ответ примерно такое: "Привет, мой дорогой, я уже дома." А вечером она встречала меня, что называется, у порога. Что-то уже было приготовлено на ужин. Все было не так уж плохо. Но в последнее время она все чаще не встречает меня, а приходит часа через два после меня.

– То есть совершенно не исключено, что в такие дни она, покинув утром дом, больше туда не возвращается вплоть до позднего вечера?

Лео Фишер погрузился, развел руками и сказал:

– Ну да, господин Вундерлих. Что же еще тут предположить?

– Но ведь в такие дни, насколько я понимаю, вы ей тоже звонили? И что она вам говорила?

– Она говорила, что еще гуляет или встретила старую приятельницу, или еще что-нибудь, – неуверенно промямлил клиент и понял, что он плохо помнит, что говорила ему супруга в таких случаях. С видом щенка, получившего пинок, он сказал сыщику:

– Вот видите, господин Вундерлих, как мало я все же знаю о моей Монике. Придется вам потрудиться, чтобы продлить мое счастье или, что уж тут говорить, поставить в очередной раз крест на моей семейной жизни. Вы не беспокойтесь, если надо, я доплачу сверх ваших тарифов.

– Сейчас речь не об этом, господин Фишер. Я просто думаю, с чего начать.

– А что тут думать, господин Вундерлих? Раньше девяти утра Моника никогда не покидала дом. Ее "Ауди" стоит прямо перед нашим домом. Отсюда и можно ее "вести". Все остальное вам известно из тех бумажек, которые я вам вручил.

– Совершенно верно, господин Фишер. Вы быстро усвоили нашу терминологию. Пожалуй, так и поступим, – улыбнулся Макс и одобрительно глянул на клиента. Скуластое лицо Лео Фишера сделалось еще шире от ослепительной улыбки, которой он напоследок одарил сыщика. Макс вывел его в темный вестибюль и, пожав руку, сказал:

– Я буду ставить вас в известность о результатах моих действий, господин Фишер. Каждый вечер.

Макс опустился на диванчик, на поверхности которого еще была заметна вмятина, оставленная плотным задом Лео Фишера, и задумался. Дело, пожалуй, пустяковое. Такие уже были у него. Главное – "вести" наблюдаемого, оставаясь незамеченным. Иначе все пойдет насмарку. Три-четыре дня, и картина должна проявиться. По меньшей мере, в общих чертах. Но этот Фишер тоже хорош гусь – жениться на женщине, которую едва ли знает. И это в его годы и с его семейным "опытом". Хотя есть люди, которые не учатся ни на своих ошибках, ни на ошибках других. Даже удивительно, как при этом они имеют кучу денег. У сыщика Вундерлиха таких денег нет, и он не имеет права на ошибку.

Он вспомнил об обещании, данном Мартине. Она выдохнула в трубку:

– Максик, наконец-то. Все нормально?

Он коротко рассказал о встрече с Лео Фишером и в заключение сказал:

– Послушай, моя писательница, если у тебя есть завтра время, почему бы тебе не поучаствовать хотя бы в начальной стадии операции?

– Что для этого надо?

– Да ничего особенного. Приезжай завтра в офис часиков в восемь и поедem к дому Лео Фишера, откуда и поведем нашу клиентку Моника Фишер, в девичестве Шольтбах.

Мартина, долго не раздумывая, сказала:

– Согласна, я еще ни разу не участвовала в этих твоих "наружных наблюдениях". Заодно и на тебя отдохнувшего посмотрю.

Она отключилась, а Макс поехал ночевать в домик фрау Гертнер, размышляя по дороге, найдет ли он когда-нибудь время, чтобы сменить место проживания.

Дом Лео Фишера находился в богатом районе на окраине Франкфурта. Они приехали туда около половины девятого. Макс сразу обнаружил автомобиль, который Лео Фишер выделил для личных надобностей своей четвертой супруге. Он стоял прямо перед домом, как и говорил господин Фишер. Это была новенькая "Ауди" серебристого цвета. Макс свернул в какую-то боковую улочку с ровными рядами почти одинаковых аккуратных домиков по обе стороны. Он припарковал свой автомобиль так, чтобы хорошо видеть автомобиль Моники и в то же время не бросаться в глаза брюнетке, если последняя вдруг пожелает бросить взгляд на окружающую обстановку. Когда все манипуляции были закончены, Макс сказал Мартине, сидящей сзади и вертящей головой в разные стороны, пока он маневрировал на неширокой улице:

– Мартина, вот там, наискосок справа, стоит "Ауди" нашей клиентки. Скоро она появится возле нее.

– Как скоро?

– Точно сказать я не могу, – он взглянул на часы. – Думаю, максимум часа через полтора, но надеюсь, что это произойдет раньше. В наружном наблюдении главное терпение.

На лице Мартины отразилось недовольство, ее импульсивный характер не терпел таких временных промежутков, особенно если речь шла об ожидании. Макс с едва заметной улыбкой искоса посмотрел на нее. Она спросила:

– Максик, а что можно делать, пока появится клиентка?

– Что угодно, Мартина, исключая громкое пение, громкие выкрики и прочие подобные действия. Желательно не выходить из машины. Одним словом, мы должны вести себя так, чтобы не привлекать к себе внимание. Можешь, например, достать из сумочки твои замечательные сэндвичи. Я соскучился по ним за время отпуска.

– Тебя там плохо кормили?

– Нет, все было замечательно, но я там предпочитал есть морепродукты.

– И что же это было? Всякая рыба?

– Не только. Вот, например, предлагались мидии, – сказал Макс и поймал себя на том, что подсознание снова подбросило образ Бригитты.

– Это такие в черных ракушках? На них же смотреть страшно.

– Зато они достаточно вкусные и полезные, – он улыбнулся и добавил. – Но с твоими сэндвичами ничто не может сравниться.

– Подхалимажем занимаешься? Не замечала за тобой такого раньше, – сказала Мартина и закопошилась в сумочке.

Они съели по сэндвичу и некоторое время сидели молча. Макс неотрывно наблюдал за машиной Моники. Мартина не выдержала первой:

– Максик, а как выглядит наша клиентка?

– Описывать не стану. Посмотри лучше вот это, – он достал из небольшой папки фотографию и протянул ее Мартине. Она некоторое время с женским любопытством рассматривала фото, критически его оценивая. Потом вернула фото, не сказав ни слова. Макс не выдержал:

– Мартина, это на тебя не похоже – ни одного критического замечания.

Она помолчала и как-то безразлично сказала:

– Красивая дамочка. Думаю, ты в отпуске таких много видел.

От неожиданности Макс даже вздрогнул. Почему она вдруг заговорила об этом? Читает его мысли? Эмоционально сказал:

– Мартина, ну при чем тут отпуск? Там, правда, попадаются красивые женщины. Но как это связано со мной?

Она смутилась, вдруг помрачнела. Потом взяла себя в руки и пролепетала:

– С тобой? Никак не связано. Просто подумала, что тебе пора жениться. Вот этот Лео Фишер женился уже в четвертый раз. И посмотри, какую красотку отхватил! Везет же парням с деньгами.

– Не знаю, что и сказать, Мартина. Похоже, что не очень везет, иначе бы мы сейчас не сидели в моей машине и не наблюдали, когда же покажется двадцатипятилетняя брюнетка с привлекательной мордашкой.

Мартина достала сигарету и попросила Макса приспустить ветровое стекло. Он с готовностью исполнил просьбу и тоже закурил. Он думал о том, зачем Мартина вдруг сейчас коснулась этой темы. Жениться-не жениться, везет-не везет... Что это? Просто дурное настроение? Напрасно он взял ее с собой. Он взглянул на часы – уже половина десятого. Со стороны машины Моника, не обращенной в их сторону, возникла женская фигура. Макс сказал:

– Мартина, внимание на машину клиентки.

– Это она, Максик, – быстро проговорила Мартина и принялась гасить сигарету, растирая ее в пепельнице. Макс же выбросил свою через приоткрытое окно. Моника Фишер обошла машину и открыла водительскую дверь. Теперь она стояла к ним спиной, и они без всякой опаски рассматривали ее сзади. Моника была в легкой кофточке и светлых легких же брюках. Ее черноволосая головка гордо сидела на длинной шейке, и подсознание вновь подбросило Максиму вопреки его воле образ Бригитты. Он даже покрутил головой, словно стряхивая непрошеное видение.

– Максик, что с тобой? – спросила Мартина, заметившая, как он вращает головой.

– Да ничего, Мартина. Просто сон прогоняю, а то я уже чуть было не задремал.

Моника завела машину и потихонечку тронулась. Макс поспешил завести свою, выждал, пока Моника немного отъедет, и поехал за ней. Одновременно бросил Мартине:

– Теперь за ней, моя писательница.

– Куда? – машинально спросила Мартина. Макс расхохотался:

– Это уж туда, куда пожелает клиентка. Теперь полное внимание и осторожность. Она не должна догадаться, что кто-то за ней намеренно едет.

Моника припарковала свою "Ауди" вблизи главного вокзала, пересекла привокзальную площадь и двинулась по Кайзерштрассе. Еще было не очень жарко, но солнце слепило глаза, и она надела солнцезащитные очки. При этом Макс обратил внимание Мартины на этот факт:

– Мартина, будь внимательной. Очки на клиентке делают ее похожей на многих других женщин. Как бы не потерять ее в людском потоке.

Они уже полчаса тащились за Моникой, которая никуда не спешила. Она подолгу рассматривала витрины. Ее черноволосая головка при этом вертелась, подставляя наблюдателям то щеку, то затылок. После пересечения с Мозельштрассе ей позвонили. Она говорила недолго, затем той же вальяжной походкой продолжила движение по Кайзерштрассе. На пересечении с Эльбештрассе Моника зашла в кафе-бар "Фиеста". Макс с Мартиной перебежали на противоположную сторону улицы и скрылись в магазине "Росманн", откуда наблюдали за входом в "Фиесту".

Прошло уже полчаса, как Моника вошла в "Фиесту", и не любящая ждать Мартина тихо пожаловалась Максиму:

– Вот она там потягивает какой-нибудь коктейль, а мы должны в этом "Росманне" вдыхать запахи синтетических упаковок. Как это несправедливо.

– Потерпи, Мартина. Мы на работе, – сказал Макс, который уже начал беспокоиться, нет ли у "Фиесты" какого-нибудь другого выхода.

На лице Мартины было написано, что терпеть ей не хочется, но она только сказала:

– Я бы и сама уже чего-нибудь съела.

– Обязательно тебе это устрою. Но позже.

Минут через пятнадцать головка Моники появилась в дверном проеме "Фиесты". Макс облегченно вздохнул и знаком пригласил Мартину к выходу. Они снова вернулись на прежнюю сторону улицы и, стараясь прятаться за спинами прохожих, возобновили наблюдение. Внезапно Моника повернула направо на Везерштрассе. Макс показалось это неожиданным. Он почему-то без всякого на то основания думал, что клиентка все время будет двигаться по Кайзерштрассе. Он велел Мартине остановиться, а сам подошел к углу здания, за которым повернула Моника, и осторожно выглянул оттуда. Быстро оценив обстановку, сказал:

– Улица достаточно пустынна в этот час. Практически ни одного дерева. Чтобы она не обратила на нас внимания, надо перейти на противоположную сторону Везерштрассе и наблюдать оттуда.

Противоположная сторона была такой же пустынной, но припаркованные вдоль нее автомобили как-то прикрывали их от случайных взглядов с другой стороны. Макс решил дополнительно подстраховаться. Решение было, пожалуй, не самым лучшим, но вероятно, единственно возможным в сложившейся ситуации. Он обнял Мартину за плечи, прошептал ей на ухо:

– Не дергайся, так будет лучше. Просто двое влюбленных прогуливаются по безлюдной улице.

Она не дернулась, а Макс подумал, что, может быть, ей это еще приятно. Потом он отыскал глазами на противоположной стороне улицы Монику. Поймав ее черную головку и снова вспомнив о Бригитте, тут же погнался воспоминание прочь вместе с крамольной мыслью относительно чувств Мартины. Сегодня эта лирика точно была лишней. Он сосредоточился на клиентке. Перед самым пересечением с Мюнхенерштрассе Моники снова позвонили. На этот раз она говорила дольше, но потом вдруг резко развернулась и пошла по Везерштрассе в обратном направлении к Кайзерштрассе. "Влюбленные" оперативно отреагировали и без заметной спешки двинулись в том же направлении. Макс тихо спросил:

– Как думаешь, Мартина, что-то пошло не так?

Она лишь пожала плечами и выскользнула из его объятий – они снова были на Кайзерштрассе. Макс быстро "поймал" головку Моники и отметил про себя, что она снова никуда не спешит, снова подолгу задерживается у витрин, возле одной из которых снова позволила себе закурить. Она постояла там несколько минут и, выкурив всего половинку дорогой сигареты, выбросила ее в ближайшую урну. Снова движение по Кайзерштрассе. Сыщик механически отмечал про себя: пересечение с большой улицей Галлюсанлаге (здесь они долго торчали на светофоре), вот направо ответвилась Нойе Майнцерштрассе. Впереди совсем небольшая площадь с невзрачным фонтаном: вправо от площади уходит Бетманнштрассе, налево – Кирхенштрассе. Сразу за пересечением с Кирхенштрассе большой магазин "Депот", где продают всякие декоративные штучки для украшения домашнего интерьера. Моника перешла улицу и направилась туда, они же остались на той же стороне и скрылись в магазине "ДМ", на что подуставшая и голодная Мартина сказала:

– Максик, ну почему мы прячемся в неподходящих местах? В этом "ДМ" вонища не меньше, чем в "Росманне".

– Так получается, Мартина, мы следуем по маршруту, который выбирает клиентка. Я не могу ей приказывать.

– Ну да, уже в "Депот" направилась. Какую-нибудь ненужную дрянь приобретет. Муженек денежки-то отваливает.

– Смотри лучше внимательно за входом. Не дай бог, упустим наблюдаемую.

– А вдруг у нее встреча в этом самом "Депоте"?

– Все может быть, – тревожно ответил Макс, и в это время вновь появилась клиентка.

В руке она держала сверток.

– Ну вот, что я говорила, – отреагировала Мартина.

– Зато быстро вернулась, – удовлетворенно отметил Макс.

Сразу за "Депотом" Кайзерштрассе заканчивалась и начиналась большая площадь "Росмаркт". Моника прошла ее, почти не останавливаясь. Лишь на пару минут задержалась возле памятника в честь основания книгопечатания. Маршрут уперся в большой торговый дом "Кауфхоф". Мартина простонала:

– Если она еще туда пойдет, я не выдержу.

Макс поддержал:

– Да, там она убьет кучу времени.

– И спустит кучу денег, – вторила Мартина.

По всем признакам Моника направлялась именно туда, и они приготовились к худшему.

Макс сказал:

– Мартина, придется тебе идти за ней в магазин. Она, в основном, будет интересоваться товарами из дамских отделов. Сама понимаешь, я там буду смотреться нелепо. Я же останусь здесь и возьму на себя патрулирование выходов, их тут несколько. Это на тот случай, если ты ее упустишь. Связь между нами по мобильному телефону.

Мартина посмотрела на него кричащим взглядом, но повиновалась и вошла через главный вход "Кауфхофа" вслед за Моникой. Примерно через полчаса Макс набрал номер Мартины. Она ответила:

– Ну что ты хочешь?

– Ведешь клиентку?

– Веду, веду. Я позвоню.

– Она ни с кем не встречалась?

– Нет.

Только через полтора часа Мартина позвонила и сказала:

– Мы возвращаемся через главный вход. Встречай.

Макс занял удобную позицию и скоро увидел Моника. У нее в руках, кроме свертка из "Депота", не было ничего нового. Показалась Мартина, на лице которой не было ничего кроме плохо скрываемой злости. Макс спросил:

– Она так ни с кем и не встретила?

– Нет.

– Что же она там делала? Ни одной покупки.

– Она только все смотрела и щупала. Впрочем какой-то парфюмерный флакончик она купила. Он в ее сумочке.

Они снова вели клиентку. Она снова шла по Кайзерштрассе, но уже в обратном направлении. Дело пошло быстрее. Макс посмотрел на Мартину:

– Радуйся, моя писательница. Похоже, дело идет к финишу.

Нигде не останавливаясь, Моника дошла до парковки и села в автомобиль. Они снова ехали за ней и приехали туда же, откуда выехали утром. Макс понял, что день прошел впустую. Им не удалось обнаружить ни одной внешней связи супруги владельца строительной фирмы. Когда клиентка скрылась за оградой дома Лео Фишера, Мартина, удивленно подняв брови, спросила:

– И это все?

– На сегодня да.

– Мы же ничего не обнаружили.

– Одного дня мало, Мартина. Иногда требуется несколько.

Он достал из сумки огромный сэндвич:

– Вот купил, пока ты следила за клиенткой. Это твой приз.

– Негусто, – кисло улыбувшись, сказала она.

Потом он отвез ее в редакцию.

" ...Конкуренция в человеческом обществе была всегда (как, собственно, и во всякой живой биологической системе). И было бы ошибочным утверждать, что если некий индивид заявляет о своем полном безразличии к состязательности с другими членами общества, то он есть существо не конкурентное. Таким образом он просто выражает свою низкую конкурентоспособность по сравнению с более сильными и нахальными..."

Примерно такая философия вертелась в голове учителя истории Бауэра, пока он быстро спускался по лестнице со второго этажа на первый, где ему предстояло с применением физической силы стащить ученика второго класса Маттиаса Штайна с ученика того же класса Якоба Хефнера. Об этом учителю Бауэру только что доложили соученицы дерущихся сестры-близнецы Анна и Сусанна Беккер. Учитель Бауэр был шефом второго класса и не в первый раз спешил на помощь тому, кто был внизу. Эти нижние постоянно менялись, не менялся только верхний – напористый и нахальный Маттиас Штайн. Он во всем хотел доминировать, и под его напором внизу оказывались даже физически более сильные одноклассники. Вот и на этот раз крепкий Якоб Хефнер безуспешно пытался сбросить с себя вцепившегося в него как пиявка худого, но жилистого Маттиаса Штайна, сына еще не старой вдовы Эльвиры Штайн, державшей небольшой ресторанчик в деревне, расположенной в округе Дитценбах, что недалеко от Франкфурта-на-Майне. Учитель Бауэр двумя руками вцепился в потного от борьбы и злости Маттиаса и кое-как стащил его с Якоба. При этом он подумал, что если он пробудет шефом класса еще года три, то уже не сможет так легко разнять противников. Придерживая за ворот раскрасневшегося Маттиаса, учитель вопрошал:

– Ну что? Что на этот раз ты пытался доказать? Придется снова вызвать твою мать. Бедная фрау Штайн...

Маттиас сопел и молчал. Тогда учитель обратился к Якобу:

– А ты чего молчишь?

– У нас вышел спор о результатах нынешнего чемпионата Европы по футболу. Маттиас сказал, что победит сборная Германии, а я засомневался, тогда он бросился на меня с кулаками, – сказал Якоб.

Учитель посмотрел на Маттиаса:

– Послушай, дружок, разве это тот спор, который надо разрешать кулаками? А если ты окажешься неправ?

– Я всегда прав, и я им это докажу, – злобно прошипел Маттиас.

А учитель Бауэр снова подумал о конкурентоспособности, в частности о том ее аспекте, когда сила и нахальство побеждают здравый смысл и интеллект, не считаясь с правилами общества. Он вздохнул и сказал:

– Идите оба в класс. Скоро начнется урок.

Маттиас Штайн продолжал доминировать в классе и отвечал агрессией, если кто-то пытался оспорить его доминантность. Все явственнее проступали черты властолюбца. Он старался обращать на себя внимание других, привлекать сторонников, легко поддающихся его влиянию и признающих его своим лидером. Он стал ходить по школьным коридорам, гордо задрав голову и в сопровождении тройки мальчишек, признавших его авторитет и стремящихся к его покровительству.

Когда Маттиас достиг возраста, в котором начинают просыпаться первые половые влечения, интерес его переключился с однополоых противников на наиболее привлекательных одноклассниц. И хотя мальчишки стали реже подвергаться агрессии Маттиаса по любому поводу, зато теперь от его домоганий страдали самые смазливые девчушки класса. Интуитивно он понимал, что доминирование над ними не достигается тумаками, но не сомневался, что любая из них отдаст ему предпочтение, если будет видеть его напористый характер. На некоторых девчушках его теория срабатывала, но находились и такие, которые отвергали Маттиаса как некое чужеродное зло. В таких случаях он приходил в бешенство, всячески пытаясь добиться

расположения строптивых одноклассниц. Когда сопротивление наиболее стойких переходило "допустимые границы", Маттиас вспоминал о своих методах, применяемых по отношению к мальчишкам. Нет, он конечно не сидел верхом на девчужке и не дубасил ее кулаками, но вполне мог припереть ее где-нибудь в углу класса, глядя на нее пронзительным взглядом, не терпящим возражений. А самой красивой Кристине Фукс однажды даже незаметно отвесил тумака. Девочки продолжали жаловаться учителю Бауэру, и тот послушно спешил на разборки. Правда, учитель не знал, как укротить малолетнего претендента на женское внимание. Тут он был бессилён.

В пятнадцать лет на какой-то вечеринке Маттиас Штайн угостил вином все ту же Кристину Фукс и вступил с ней в половую связь, после чего снизил накал домоганий, считая, что он, наконец, подчинил себе непокорную Кристину. Та же ходила, поглядывая на него с ненавистью. Не выдержав, она обо всем рассказала своим родителям, сказав при этом, что Маттиас изнасиловал ее. Разразился скандал. Доказать факт изнасилования не удалось, и Маттиаса от греха подальше потихоньку выперли из школы.

Школьное образование он завершил уже в другой школе и, будучи не глупым парнем, даже поступил в университет. Его стремление к доминированию никуда не исчезло, лишь только еще сильнее сконцентрировалось на представительницах прекрасного пола. Он стал эдаким разудалым покорителем женских сердец, не терпящим возражений от носительниц этих сердец. Нет, сексуальным маньяком он не был. Он не поддавался под это определение. Он был страстным охотником за девушками, осуществляющим их покорение с особой жестокостью, если того требовали обстоятельства. Еще на первом курсе он изнасиловал одну красотку. Она заявила, а ему не удалось отвертеться. Красотка отвергла его обещания, презрительно отклонила просьбы, не вняла мольбам пожалеть его молодую жизнь, не обратила внимания на его финансовые посулы. Не помогли и его угрозы, которые раньше часто помогали ему в борьбе за доминирование. Обстоятельства дела не составили головоломку для суда, и Маттиас надолго приземлился в тюремной камере.

Оказавшись снова на свободе, Маттиас Штайн недолго вел смиренную жизнь, приличествующую, казалось бы, человеку, пробывшему в тюрьме немало месяцев и осознавшему тяжесть содеянного. Необузданный характер и половой инстинкт делали свое дело, и Маттиас снова начал охоту за женщинами. Месяцы, проведенные в тюрьме, сделали его менее взыскательным, и его выбор часто падал и не на самых привлекательных. Их было полно в ночных развлекательных заведениях. Он пытался, конечно, найти среди них экземпляры поярче, но это требовало времени и, подогретый алкоголем, Маттиас часто не ловил журавля в небе, а хватал любую синицу. Эти синицы были сговорчивыми, что не удовлетворяло Маттиаса, охотника по природе. Желание встретить кого-нибудь из разряда "журавлей" постоянно преследовало его. Он почти не сомневался, что так и будет. Просто еще не наступил тот день, когда все случится. А пока он просто продолжал болтаться по ночному Франкфурту, заглядывая в любое злачное заведение, где еще не был. Там он высматривал новых жертв для удовлетворения своих "нети-пичных" сексуальных представлений.

Так однажды он вошел в ночной клуб "Фантазия".

7

Второй день наружного наблюдения начался так же, как и первый, с той лишь разницей, что теперь рядом с ним не было Мартины. Последней наскучило таскаться за Моникой Фишер, наблюдать, как она пьет кофе, рассматривает витрины магазинов, сидит на скамейке, перелистывая номер модного журнала. Прощаясь, она так и сказала Максусу:

– Знаешь, Максик, я, пожалуй, завтра не поеду с тобой. Я уже поняла, в чем суть этого наружного наблюдения. Думаю, ты справишься и без меня. Тем более, что ты делаешь это не впервые. Признаться, скучное занятие, – она даже зевнула, прикрыв рот ладонью.

Он рассмеялся:

– Мартина, зарабатывать деньги вообще скучное занятие.

Итак, его машина стояла на вчерашнем месте, откуда он снова наблюдал за "Ауди" Моники Фишер. Он курил уже вторую сигарету и восстанавливал в памяти фрагменты вчерашнего наблюдения, анализировал их вчерашний маршрут. Больше всего его беспокоила мысль о том, не прокололись ли они где-нибудь, не допустили ли какие-то ошибки, которые могли бы вызвать у Моники подозрение, что за ней следят. Мартина, конечно, вела себя не очень осторожно. Она все же не прониклась важностью задачи. Вдруг Моника что-то заметила? Он растер сигарету в пепельнице. А вот и Моника. Она снова обходит машину, он снова видит ее сзади и она снова напоминает ему Бригитту. Все начинается сначала.

Она припарковала машину там же, где вчера. Макс припарковал свою немного спустя, стараясь оставаться незамеченным и одновременно не теряя из вида клиентку. Она уже нацепила светозащитные очки и двинулась все по той же Кайзерштрассе. Сыщик шел за ней сзади, держась на безопасной дистанции и лавируя среди пешеходов, чтобы держать постоянно в поле зрения стройную фигуру Моники. Ее черная головка то исчезала, то снова появлялась, иногда замирая, когда она останавливалась у очередной витрины. Все как вчера. Все удивительно похоже. Скоро уже поворот на ту узкую безлюдную Везерштрассе, куда она свернула вчера, сбив их с толку. Они тогда остановились, раздумывая, как двигаться, чтобы не привлекать внимание клиентки на достаточно пустынной улочке. Не могли ли они засветиться тогда? Посмотрим, пока не поздно. Повернет она на этот раз или нет? Она повернула. Макс быстро добежал до угла дома, у которого свернула Моника, и осторожно выглянул из-за него. Моника бодро шла по Везерштрассе и уже приближалась к тому месту, где вчера развернулась и пошла обратно. Он перешел, как и вчера, на другую сторону Везерштрассе, под защиту длинного ряда разномастных автомобилей. На этот раз клиентка пересекла Мюнхенерштрассе. Она уже приближалась к пересечению с большой Гутлейтштрассе. Он во все глаза "ловил" ее спортивную фигуру. И вдруг! О боже! Моники на пустынной улице не было. Куда она подевалась? Макс нерешительно двинулся по улице, раздумывая, что предпринять. Вдруг впереди снова показалась черная головка клиентки. Она словно вынырнула из бокового двора, отделенного от пешеходной части улицы чугунной решеткой. Макс облегченно вздохнул. Интересно, что она там делала? Что-то проверить не представлялось возможным, и он продолжал осторожно двигаться по другой стороне улицы, не упуская клиентку из поля зрения. Боковым зрением он увидел, как по той же стороне улицы, где шла Моника, к ней откуда-то сзади быстро приближался мужчина в шляпе. Вот оно. Макс затаил дыхание. Вот он ее, видимо, любовник. Вот он обходит ее слева, вытаскивает из кармана пиджака правую руку. Пожалуй, сейчас возьмет ее под руку, и дальше они уже будут идти вместе, как и положено любовной паре. Его сердце ликовало. Будет о чем доложить Лео Фишеру. Правая рука мужчины не взяла Монику под руку, а быстро вернулась в карман пиджака, сам же мужчина быстрыми шагами, почти бегом, не оглядываясь, уходил вперед по направлению движения Моники. Моника же, словно споткнувшись, начала медленно оседать на тротуар. До сыщика начало доходить. Он не слышал никаких звуков, в голове мелькнуло "Нож...". Сработал инстинкт, и Макс бросился вслед за преступником (в этом он уже не сомневался). Тот, видимо, поняв, что кто-то его преследует, побежал уже в полную силу, сняв с головы шляпу. Макс бежал за ним. Преступник свернул на Гутлейтштрассе и затерялся в толпе. Макс продолжал бежать, обгоняя прохожих и периодически извиняясь при столкновениях с ними. Где-то вдали он снова увидел шляпу преступника на его голове. "Зачем он ее снова надел в такую жару?" – не к месту подумал сыщик. Он, наконец, добежал до того места, где мелькнула голова в шляпе, но увидел только отъезжающий автомобиль марки "БМВ". Ему, правда, удалось запомнить номер машины. Вот и все. Что скажет он сегодня вечером Лео Фишеру? Что видел, как убили его жену? Есть ли в этом его вина? Конечно же, нет. Просто какие-то совпадения. Чей-то хитроумный замысел совпал по времени с предпринятым наружным наблюдением? Или совсем не так? Он медленно воз-

вращался туда, откуда начал преследовать преступника. Вот снова эта Везерштрассе.. Вдалеке, возле того места, где была убита Моника Фишер, уже образовалась толпа. Пожалуй, кто-то что-то видел. К толпе уже подъехала машина полиции, и инспектор делал первые опросы. Помощники отгеснили любопытных и делали снимки. Макс подумал, что надо бы подойти к полицейским и дать показания. Потом он решил, что это можно сделать и потом. В его планы не входило именно сейчас терять кучу времени, когда надо самому себе ответить на кучу вопросов. И что он может показать? Какой-то мужчина в шляпе убил, вероятно, ножом неизвестную ему (или известную?) женщину и скрылся путем бегства в направлении большой улицы, откуда, возможно, скрылся на автомобиле марки "БМВ". Он же как ответственный гражданин и частный детектив бросился за преступником, но не смог его задержать. А что он сам делал на этой пустынной улочке? Объяснения, объяснения... Нет, сейчас он не подойдет к инспектору, от которого (он видел это) в разные стороны разбредаются люди, еще недавно страстно желавшие узнать, что же произошло. По той же стороне улице, с которой он следил за Моникой Фишер, он миновал место убийства, даже не глядя в ту сторону, и проследовал до Кайзерштрассе. Дойдя до парковки, сел в свой автомобиль и поехал в офис на Шиллерштрассе.

Он пил кофе и курил одну сигарету за другой. В голове носились мысли: одна экстравагантнее другой. Постепенно он успокоился и привел мысли в порядок. Что, собственно, произошло? Он выполнял свою работу согласно контракта с Лео Фишером. В какой-то момент объект наблюдения подвергся нападению и был убит. Есть ли в этом вина сыщика Вундерлиха? Разве он мог знать, что готовится убийство его клиентки? Конечно, нет. Это просто совпадение, что кто-то еще выслеживал в то же время Моника Фишер и убил ее. Но он должен так или иначе позвонить Лео Фишеру. Что подумает Фишер? Чего доброго обвинит его... В чем? Что он это допустил? Но ведь наружное наблюдение не предполагает никакого вмешательства в действия вокруг объекта наблюдения. Он, слава богу, и так предпринял попытку задержать преступника. И если надо, даст показания полиции. Как ответственный гражданин и частный детектив. Ох, как тяжело! С тяжелым же сердцем он взял телефонную трубку:

– Добрый день, господин Фишер.

– Приветствую вас, господин Вундерлих. Что-то вы сегодня рановато. Что-то случилось?

– Случилось, господин Фишер. Ваша жена убита, и я видел, как это произошло.

Внезапно трубка рассмеялась:

– Что вы такое говорите, господин Вундерлих? Вы, пожалуй, заработались.

– Нет, господин Фишер, ваша жена в самом деле убита.

– Это произошло две минуты назад?

– Нет, уже прошло часа два.

– Вот видите. Значит, я прав, когда сказал, что вы заработались. Я говорил с моей женой три минуты назад.

От неожиданности Макс замолчал, собираясь с мыслями. От Лео Фишера он ожидал услышать все, что угодно, но только не то, что он только что произнес. Это окончательно сбило его с толку, и он, запинаясь, сказал:

– Вы не шутите, господин Фишер?

– Нисколько.

– И что же вам сказала ваша жена?

– Что она уже вернулась домой и ждет меня к ужину. Так что разберитесь с вашими домыслами, а потом представьте мне сегодняшней отчет, – Лео хихикнул и добавил. – Разумеется, в устном виде, господин Вундерлих.

Трубка замолчала, а Макс откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Еще через несколько минут он набрал Мартину и коротко рассказал ей о случившемся. Она ответила:

– Интересное вышло наружное наблюдение. Не так ли, Максик? Жди. Я уже лечу к тебе.

Мартина сидела на диванчике, и он уже в третий раз повторял ей подробности сегодняшнего столь печально закончившегося наружного наблюдения. Она глотнула кофе и спросила:

– И ты даже не подошел к этой толпе любопытствующих? Тебе страшно смотреть на трупы?

– Все нет. Ты же знаешь, я повидал их достаточно. Да и что бы это дало?

– Ну как же? Ты бы, по меньшей мере, убедился, что убитая не Моника Фишер.

– А ты не веришь Лео Фишеру? Он же сказал, что жена его жива.

Мартина сделала еще глоток:

– А я бы подошла. Я очень любопытная. Но как же вдруг Моника Фишер превратилась в кого-то другого? У тебя есть какие-то соображения?

– Уже есть. Помнишь, я тебе говорил, что в какой-то момент Моника как бы пропала, а потом снова появилась?

– Ну да, помню. Что здесь такого? Женщине понадобилось привести себя в порядок. А может быть, она искала туалет? Ведь на этой улочке их нет.

– Если бы причина была в этом, она бы не появилась вновь так быстро.

Мартина недовольно сдвинула брови:

– А в чем же дело?

– Я думаю, что вчера она заметила за собой слезку.

– Этого не может быть. Мы были так осторожны.

Не желая приводить Мартине примеры ее вчерашней неосторожности, он просто сказал:

– Понимаешь, Мартина, если человек, тем более женщина, идет на какое-то тайное свидание, то он соблюдает меры предосторожности. Моника Фишер давно дает невнятные объяснения своему ревнивому супругу и не могла не предположить, что он попытается проникнуть в ее маленькие тайны. Так что слезку она не исключала, а значит, была предельно внимательной.

– Где же мы прокололись, Максик?

– Трудно сказать, но сейчас это уже не важно. По моей логике, это просто состоявшийся факт.

– Ну и что же из этого следует?

– Из этого следует то, что, обнаружив за собой слезку, Моника Фишер тем не менее не отказалась от мысли попасть на это свидание. Для этого ей надо было избавиться от "хвоста", что она и сделала на следующий день.

– И как же? – выдохнула Мартина.

– Я думаю так: в том дворе она подставила вместо себя другую, которая через секунды бодро продолжила шествие по этой улочке, увлекая за собой одного частного сыщика. Сама же дворами или как-то еще исчезла из моего поля зрения. А позже, как это и должно быть у добропорядочной жены, встретила с поцелуем усталого мужа.

– Тогда эта другая должна быть очень похожа на Моника Фишер.

– Не обязательно. Достаточно, чтобы она напоминала Моника хотя бы сзади, – сказал Макс и снова вспомнил Бригитту.

Мартина задумалась, прикурила сигарету и вполне миролюбиво сказала:

– Ну да, вполне возможно, что так и было. Она договорилась с кем-то заранее, велела ей одеться так же, как была одета сама. Ты тащился сзади на расстоянии и мог не заметить мелкие различия. Остается только понять, зачем убили эту новенькую.

– Макс возмущенно воскликнул:

– Никто не собирался убивать новенькую. Киллер, как и я, принял ее за Моника Фишер, за которой он тоже следил. Он не заморачивался на деталях, быстро подошел, сделал свое дело и скрылся. Думаю, когда прояснится, кто убит, он получит крупный нагоняй от заказчика.

Мартина встала с дивана, нервно заходила по комнате. Недоумение и расстройство смешались на ее лице. Она тихо сказала:

– Получается, Максик, что эта новенькая, согласившись подыграть Монике, подписала свой смертный приговор, а Моника тем самым сохранила свою жизнь.

– Получается так. У киллера было задание, и он выполнил его сегодня. Ему было невдомек, что сегодня какой-то сыщик имел свои планы. И тем хуже для него. Он получил еще одного свидетеля этого гнусного убийства.

– Собираешься и это расследовать?

– Пожалуй, придется. Очевидно, что новенькая не просто человек с улицы. Между ней и Моникой существует некая устойчивая связь. И не исключаю, что эта связь поможет нам проникнуть в тайну Моника Фишер. Думаю, завтра в местных газетах уже появятся сообщения об этом убийстве.

Макс присел на диван, взъерошил волосы и сказал:

– Подождем до завтра, моя писательница. А завтра с утра приезжай ко мне. Не забудь захватить свежий номер "Бильда". Эта газетенка точно не упустит ничего горяченького.

Она засобиралась, и он проводил ее до парковки, сказав на прощание:

– Пойду в офис. Надо еще позвонить Лео Фишеру. Пока не представляю, о чем ему рассказывать.

8

Утром следующего дня Мартина не вошла, а ворвалась в офис на Шиллерштрассе. С покрасневшимся лицом она плюхнулась на диван, порылась в своей сумочке и с победным видом достала оттуда несколько раз туго сложенный номер газеты. Она швырнула его на диван и почти прокричала:

– Вот, читай.

Макс не спеша развернул газету. Кроме текста там было и фото, причем крупным планом. "Бильд" любил пощекотать нервы читателей. Он всмотрелся в изображение лежащей на тротуаре молодой женщины. Та же одежда, что и на Монике Фишер. Лицо... лицо, конечно, другое. Он немного отнес газету от глаз, чтобы сконцентрироваться на лице. Боже, неужели? Он еще несколько раз то отодвигал газету от глаз, то снова подносил ее ближе. Сомнений не осталось – это было лицо Бригитты. Он побледнел и опустился на диван. Мартина удивленно и испуганно смотрела на него:

– Максик, что с тобой?

– Подожди, Мартина, я еще не прочитал текст, – пролепетал он.

"Вчера в районе пересечения Везерштрассе и Гутлейтштрассе примерно в 11 часов 40 минут неизвестным мужчиной была застрелена стриптизерша из ночного клуба "Фантазия" Бригитта Фогель. Личность застреленной была установлена на основании имеющихся при ней документов. Убийство наблюдал из окна своей квартиры Даниель К. Со слов свидетеля Даниеля К. мужчина был среднего роста и в шляпе. Он быстро скрылся в направлении Гутлейтштрассе.. Свидетель также показал, что какой-то мужчина погнался за преступником. Больше свидетель его не видел. Полиция просит граждан, что-либо видевших или слышавших в связи с произошедшим убийством, сообщить об этом по следующим телефонам..."

Макс откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Мысли медленно и с неохотой заплясали в голове. Значит, ее фамилия Фогель. Он этого не знал. Она тогда не представилась по полной форме. А вот и ее профессия, которую она так неопределенно описала комичными жестами. Она служительница пилона³⁾. Точнее, была ею. Ну что ж, туда берут девушек с красивыми фигурами... Вот и ему понравилась. Он ошибся – ее убили не ножом. Это был, конечно, пистолет с глушителем. Ведь он ничего не услышал с другой стороны улицы. Вот и окончательное завершение его курортного романа. Теперь уже не нужно терзать собственную душу пустыми размышлениями о возможном продолжении этой любовной истории. Рассказать Мартине? Не сейчас. Это требует отдельного осмысления. Он повернулся к Мартине:

– Ну вот, видишь, я ошибся только в орудии убийства.

– А почему ты так побледнел? Тебе знакома эта женщина?

– Тебе показалось, Мартина. Просто окончательно убедился, что так все и было. Она приняла смерть вместо Моники Фишер. Но это не значит, что Монике больше ничего не угрожает. Где-то сейчас заказчик убийства держит в руках эту или подобную газету и думает, что ему предпринять дальше. Не думаю, что его планы теперь поменяются.

– Мы должны помешать этому.

– Безусловно. Я думаю, задача, поставленная Лео Фишером, не только остается актуальной, но и усложняется. Наверняка, ему не хочется потерять четвертую жену вот таким образом. Надо с ним поговорить и поскорее. Объяснить, что произошло.

– Для него, конечно, это будет тем еще сюрпризиком. Он ждет раскрытия любовной интрижки красавицы жены, а тут пахнет чем-то покрепче, – добавила Мартина.

Макс немного успокоился и закурил. Помощница последовала его примеру. Она взяла в руки газету и некоторое время рассматривала материал об убийстве. Потом сказала:

– Максик, как думаешь, какая между ними связь? Между Моникой и этой убитой Бригиттой.

– Думаю, все просто. Они вместе работали в этом клубе. Возможно, они даже подруги. Думаю, что Моника здесь уже некоторое время не работает. Да это и понятно: она нашла себе обеспеченного мужа. А этой Бригитте все еще приходилось вертеться, причем в буквальном смысле. Ты же бывала в ночных клубах? Видела эти танцы с раздеванием?

– Только один раз, – соврала Мартина и покраснела.

Макс продолжил строить предположения:

– Они были, пожалуй, в приятельских отношениях. Бригитта с легкостью согласилась помочь подруге. Она не подозревала, что Монике грозит опасность. Думаю, что эта опасность связана с прежней работой Моники в ночном клубе. Покинув клуб, она не смогла разорвать все вольно или невольно установившиеся там связи.

– Тогда Бригитта должна была что-то об этом знать. Если согласиться с тем, что они подруги... Например, о существовании неких обстоятельств, представляющих угрозу для Моники...

– А она и знала, но недооценила эту угрозу. Возможно, уже потом, когда Моника ушла из клуба, угроза усилилась. Бригитта могла об этом не знать, ведь они стали реже видеться, а потом Моника вышла замуж за Лео Фишера.

Мартина выпустила струйку дыма и решительно сказала:

– В любом случае надо начинать с этого ночного клуба. Как он там называется..?

– "Фантазия", – ответил Макс, а про себя подумал: "Вот уж воистину фантазия."

Мартина быстро продолжила:

– Вот с этой "Фантазии" и начнем. Ты не против, Максик?

– Разве у нас есть выбор? Все дороги ведут в "Фантазию".

Мартина спросила с легкой улыбкой:

– Как ты думаешь, какой будет реакция господина Фишера, когда он узнает, что его четвертая жена бывшая стриптизерша?

– Во-первых, строго говоря, мы еще в этом не уверены. Во-вторых, он очень спокойно говорил мне, что его новая жена работала в сфере обслуживания. Это его ничуть не смущало. В-третьих, чем не сфера обслуживания занятие стриптизмом, – завершил Макс и расхохотался.

Мартина легко улыбнулась:

– Зато жена красотка.

– Ну да, ну да, – с грустью пробубнил Макс и снова подумал о Бригитте, теперь уже мертвой.

Мартина взглянула на него внимательно. Ей снова показалось, что не все так просто с этой Бригиттой, что у Макса к ней какое-то особое отношение. Такую мысль внушало ей жен-

ское чутье. Потом она подумала, что это ее не касается, что между ними чисто деловые отношения, а всякие другие в прошлом. По меньшей мере сейчас она не скажет ни слова относительно своих ничем, в принципе, необоснованных подозрений. Она просто сказала:

– Когда пойдешь в клуб? Или меня пошлешь?

Макс словно вернулся из забвения:

– Спасибо, моя писательница, за предложение. Оно стоит того, чтобы над ним подумать.

И не только над этим – я должен подумать обо всем случившемся.

Когда он проводил Мартину до парковки, большие часы на старинном здании напротив показывали два часа пополудни. Макс удивился, так как чувствовал себя разбитым, как никогда. Он все же вернулся в офис и, опустившись на клиентский диванчик, погрузился в собственные мысли. На этот раз они не касались планирования расследовательских мероприятий на ближайшие дни. На это не было сил. Он размышлял о превратностях судьбы. Какой философский смысл в том, что его курортный роман закончился так, как он закончился? Какие сигналы посылает ему судьба? Это снова его величество случай, на который он часто полагался в своих расследованиях? И надо сказать, часто помогал ему. Сейчас другое. В этот раз, пожалуй, случай не заслуживает титула "величество". Он не помог ему, а принес горе. Убита стриптизерша. Ну и что? Ему было хорошо с ней – и совсем недавно. Да, он не строил никаких далеко идущих планов, но ведь всякое могло случиться. Теперь уже не случится. Он должен найти заказчика несостоявшегося убийства Моники Фишер. В память о Бригитте Фогель. Он набрал номер Лео Фишера:

– Господин Фишер, мы должны серьезно поговорить. Здесь, в моем офисе.

9

Ее звали Шметтерлинг⁴⁾. Он, конечно, понимал, что это просто кличка, которую ей присвоили в ночном клубе. Он не пытался узнать ее настоящее имя. Зачем ему это? Она нужна ему не для того, чтобы бывать с ней на публике, представлять ее друзьям или знакомым. Он просто желал ею обладать, владеть безраздельно, а для этого ей достаточно быть просто Шметтерлинг. Он поедал ее глазами, когда она вертелась вокруг пилона, высоко забрасывая ноги. Задыхался от страсти, когда она, держась одной рукой за пилон, изгибалась назад, и он тогда видел то ее раскрасневшееся лицо, то ее расставленные острые коленки, образующие некий угол, в вершине которого он видел узкую полоску ее трусиков. Она выпрямлялась, потом в какой-то момент трусики исчезали, и подвыпившая публика ревела. Она снова изгибалась, и в вершине угла уже не было трусиков, а публика ревела еще громче. Он ревновал ее к этой публике. Он готов был убить каждого, кто позволял себе нечто большее, чем этот рев. А они позволяли – пока она еще была в трусиках и чулках, они прорывались к ней, пихали мятые купюры в трусики, в чулки. Дотягивались даже до бюстика. Как он переживал все это! Зато потом, после выступления, он забирал ее с собой и в съемной квартире творил с ней, что хотел. Он словно мстил этой пьяной публике. Он упивался тем, что только ему одному это позволено. Таким образом он доминировал. Он, Маттиас Штайн, будет доминировать всегда. Какая разница, над кем. Сейчас ему нравятся женщины, и поэтому он доминирует над ними.

Нравилось ли это самой Шметтерлинг? Поначалу да. Она даже восхищалась его изобретательностью. Она думала: он не сексуальный маньяк, он просто очень творческий. Он и в самом деле не подходил под классическое определение сексуального маньяка. Это были просто его способы демонстрации его доминантности. Она иногда делилась с близкими подругами своим сексуальным опытом, рассказывая о некоторых деталях секса с этим Маттиасом Штайном. Подруги приходили в ужас, в один голос заявляя, что это садомазохизм. Она не была искусственной в психоанализе и отвечала, что такой "садомазохизм" ей нравится. Его же фантазия не знала предела. Ей все тяжелее было переносить его трюки, несмотря на ее спортивную натренированность. Все извращеннее становились его способы доминирования. У нее не стало никакой личной жизни. Если еще недавно он позволял ей куда-то сходить или поболтать с

подругами, то теперь все ее перемещения ограничивались отрезком пути от съемной квартиры до ночного клуба и обратно. И все это под неусыпным контролем Маттиаса Штайна. Он не запретил ей вертеться вокруг пилона, так как это приносило неплохие деньги. О своих доходах он не рассказывал. Так она сделалась сексуальной рабыней Маттиаса Штайна. Когда однажды она попыталась изменить свою жизнь, он пригрозил, что убьет ее. Она часто с сожалением вспоминала тот день, когда после выступления в ночном клубе согласилась поехать с ним. Она знала, что так делают многие стриптизерши, и не нашла тогда в этом ничего особенного. Он еще щедро заплатил ей тогда. Теперь все было иначе. Ее сковал страх. Глядя в его разъяренные глаза, она не сомневалась, что он не остановится ни перед чем, если она попытается как-то покинуть его.

Но и мысль вернуться к образу жизни до Маттиаса не покидала ее. Только однажды он позволил ей повидаться с матерью, приказав вести себя там должным образом. Естественно, он сам присутствовал при этом, изображая заботливого жениха и бросая на нее испепеляющие взгляды при любой попытке сказать что-то, не устраивающее его.

Так изо дня в день протекала жизнь Шметтерлинг. Верчение вокрун пилона сменялось сексом с Маттиасом, а на смену его оригинальным трюкам вновь приходило верчение в ночном клубе. Иногда Маттиас куда-то исчезал, строго приказывая ей оставаться в квартире до его прихода. При этом он так смотрел на нее, что она понимала – пощады от него не будет. Она еще не представляла, что может изменить ее жизнь. Она забыла, что существует государство с его юристами, судами, полицией. Когда же иногда вспоминала об этом, то совершенно не представляла, как подать туда весточку, что есть в мире одна стриптизерша, терпящая бедствие.

Иногда ей удавалось переброситься парой слов с коллегами по ремеслу. Это случалось, когда Маттиас, дожидаящийся ее после выступления, на некоторое время терял бдительность. Тогда она жаловалась какой-нибудь девушке, выслушивающей ее с ужасом на лице. Никто из них не вспоминал о полиции или еще о чем-то таком, что касается права личности на собственную жизнь.

Лишь однажды одна девушка порекомендовала ей обзавестись покровителем. Шметтерлинг не представляла, каким должен быть этот покровитель и как его найти, но эта мысль прочно засела в голове.

А что же сам Маттиас Штайн? Это был уже не тот обозленный пыхтящий мальчишка, которого держит за ворот трясущийся от негодования учитель Бауэр. Это был расчетливый похотливый молодой мужчина, который сам не понимал, что в первую очередь движет им в его оригинальных желаниях – необузданный половой инстинкт или просто болезненное желание доминировать. Он знал только одно – каждый, кто не подчинится ему, не уйдет от расплаты.

10

Лео Фишер вошел в комнату и зажмурился, как в прошлый раз. Раскрыв глаза, сказал:
– Определенно, господин Вундерлих, вам что-то надо делать с освещением вестибюля. Иначе можно ослепнуть из-за резкого скачка освещенности.

Макс улыбнулся:

– Вы преувеличиваете, господин Фишер, но я обязательно подумаю над этим.

Лео Фишер без приглашения опустился на диванчик:

– Так о чем серьезном мы должны поговорить?

– А вы ни о чем не догадываетесь?

– Из вашего последнего отчета по телефону я только понял, что вы два дня наблюдали за моей Моникой, но пока ничего не установили, – он замолчал и, словно вспомнив, добавил. – Ах да, там кого-то убили, а вы почему-то решили, что это моя Моника.

Макс спросил:

– Господин Фишер, кстати, где сейчас ваша жена?

– Дома. Признаюсь, она уже два дня никуда не выезжает. С одной стороны, это неплохо...

Макс перебил:

– Вот именно, господин Фишер, только с одной стороны. Другая сторона более мрачная.

Лицо Фишера передало гамму чувств, истолковать которую было трудно, но страха там не было.

– Неужели так все серьезно, господин Вундерлих?

– Вы читаете наши франкфуртские газеты?

– Не каждый день. Времени, знаете ли, не хватает.

Макс взял со стола номер "Бильда", который принесла Мартина, и протянул его Фишеру:

– Вот, полюбопытствуйте.

Клиент долго читал, шевеля губами, рассматривал фото, потом сказал:

– Насколько я понимаю, это не далеко от того маршрута, по которому двигалась Моника?

– Не просто недалеко, это одна из точек ее маршрута. Именно в этом месте она проходила за день до этого..

– А что же в этот день?

– В этот день ваша супруга тоже должна была пройти через эту точку.

– И наверное, в то же время, которое указано в газете. Поэтому вы решили, что ее убили? – Лео Фишер вдруг задумался. – Но ее не убили... Тогда она должна была видеть, что убили кого-то, но она мне ничего такого не рассказывала. Не думаю, что женщина могла бы промолчать о таком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.